

Что такое Момикс?

Окно в Европу (прил. к газ. "Мартинский театр") - 1995 - № 6-7-С. 2

Режиссер и хореограф Мозес Пендлтон родился и вырос на животноводческой ферме в штате Вермонт. Там он и начал выступать на местных ярмарках. Страстный любитель лыжного спорта, он выиграл гонку на длинную дистанцию на мировом первенстве 1967 года в штате Вермонт. В 1971 году он защитил диплом по английской литературе в колледже Дармута и в том же году с Джонатаном Уокеном создал театр танца "Пилоболус". Этот театр добился признания во всем мире необычным сочетанием акробатизма и фантазии. В 1975 году он получил премию берлинских критиков, а в 1977-м был представлен Пьером Карденом на Бродвее. В 1979 году Пендлтон начал работать самостоятельно и поставил "Интеграле Эрик Сати" в Парижской Опере. Следующим этапом карьеры Пендлтона была хореография церемонии закрытия Олимпийских игр в Лейк-Плсиде 1980 года, где он показал номер "Момикс", название которого впоследствии получила основанная им труппа. Момикс означает "группа Мозеса" или "смесь Мозесов", но это и название одного из компонентов труппы, которым Пендлтон помил телят, когда в детстве работал на ферме отца. За годы своего существования состав труппы претерпел много изменений, но неизменными оставались ее стремление развивать искусство танца и желание развлекать публику.

Начиная с 1980 года Мозес Пендлтон делает успехи и в балетном театре, и в кинематографе. Он ставит дадаистский балет Пикаби "Relache" в Джоффри балет, придумывает роль Скомороха в "Хованшине" в постановке Юрия Любимова в Ла Скала, в Дойче Опер оформляет спектакль "Тутурури", в Балете Нанси ставит "Петрушку" Стравинского, в театре Вормс в Цюрихе — "Актор Дион". Спектакли Пендлтона в театре "Пилоболус" включены в сериалы PBS "Танцы в Америке" и "Великие представления" и передавались телевидением Дании и Германии.

Каждый день Пендлтон проплывает одну милю, записывает свои идеи и делает огромное множество фотоснимков. Его работы демонстрировались в "Уиллер Опер Хаус" в штате Колорадо.

Живет он в штате Коннектикут с Цинтией Куин, балериной труппы "Момикс" и их дочерью Куин Элизабет.

В Москве труппа "Момикс" показала спектакль Мозеса Пендлтона "Страсть".

Страсти человеческие и страсти Господни даны здесь лишь намеком. "Страсть" Пендлтона — это страсть автора познать жизнь, те вечные процессы,

которые происходят на Земле.

Хореограф дает пантеистическую и мистическую концепцию восприятия жизни, когда человек сливается со всем сущим, чувствуя себя и цветом, и животным, когда все очеловечено и одухотворено. Подсолнух — фетиш Пендлтона, его модель Вселенной: в каждой клетке сердцевины подсолнуха зреют зерна будущего, зерна сознания — сама жизнь. Сквозь призму такой не очень привычной для нас философии показан удивительный спектакль "Момикса". Если когда-то основанная Пендлтоном труппа "Пилоболус" демонстрировала физическое совершенство человеческого тела, то его дочерняя труппа "Момикс" в спектакле "Страсть" славяет физическое и духовное в единое целое.

Эта 75-минутная медитация смотрится на одном дыхании. В спектакле заняты пять танцовщиков. Называйте их иллюзионистами, акробатами, гимнастами... Изумительная, профессиональная труппа. Вслед за американским хореографом Эллином Николайсом, создателем "звуковизуальных пьес", Пендлтон, используя освещение, костюмы, электронную музыку, слайды, проектируемые на экран, придает им такое же значение, как и танцовщикам. Исполнители — то в костюмах, то обнаженные — выступают за большим полотном-экраном, установленным на авансцене. На нем мы видим сначала гигантское древо Жизни, которое как бы задает координаты Вселенной — линейную, планетарную жизнь и связь Земли и космоса. Затем появляются зазеленелая река, древний храм, Будда. Старая армейская фотография растворяется в изображениях "каменных людей" древней цивилизации майя. Пухлые ножки ребенка, проектируясь на полотно, превращаются в арку, а зерна подсолнуха преобразуются в лица военных. Под экзотический синтез ближневосточных и африканских ритмов (музыкальная партитура Питера Габриэля, написанная для фильма Мартина Скорсезе "Последнее искушение Христа") за тонким полотном трепещут руки, парят тела, трамплинистыми прыжками, словно обезьяны, передвигаются мужчины, колеблются зонтики с заглазной игрой светотеней, некоторые эпизоды напоминают о древневосточном культе Луны и Солнца, взвивается красным пламенем лента, вовлекая в свою спираль танцовщицу, и артисты сливаются в фантастические, вращающиеся группы или в невероятные фигуры. Несколько тел образуют одно, потом рождают раскачивающуюся пару. Возникающие формы снова растворялись в призрачной дымке. А забавный характер некоторых композиций смягчал дей-

ствие, вносил в балет нотку юмора. И в то же время перед нами как бы вскрывались пласты истории, полной мифических картин, символов и ассоциаций. Первобытная толпа, древняя Греция и Иудея, средние века, Возрождение, XIX век с преобладанием рационального сознания и век XX — умозрительно-прагматичный и жаждущий духовности одновременно. Иногда танцоры изображали что-то отдаленное от человеческого. Иногда превращали человеческое в божественную красоту и власть. В спектакле нет религиозной назидательности, но вы легко идентифицируете в нем и кающуюся Марию Магдалину, и Христа, и Деву Марию с порхающими ножками мужчины из-под подола ее вишневого одеяния. Рождение человека, восприятие его как меры всех вещей — все это присутствовало. Иногда трудно было определить пол танцующих: их женское и мужское начала как бы соединялись. Не предожил ли нам хореограф мечту об андрогинности?

Сцена с обнаженными мужчинами, висающим на веревке и окруженным повешенными женщинами в ярких красных плащах с капюшонами, была одной из самых впечатляющих. Человек бился, натягивал веревку, образуя ею трапецию, извивался. Что это? Голгофа? Пытки инквизиции? Аллюзия рисунков Леонардо да Винчи? Затем появлялись ангелы или призраки под ярдами белого, газового тюля и в изумительных арабесках проплывали по сцене. На фоне проектируемого огромного циферблата, символизирующего как бы вечность жизни и времени, танцовщики манипулировали эластичными пестами; создавали ими видимые фигуры, крылья; изгибали их во вращающиеся крути и арки, вознесенные аурой над человеком; превращали их во Вселенную, явленную пятью континентами.

Описывать это магическое зрелище — занятие бесплодное. Разлагать хореографию спектакля на движения — открывать секрет фокуса. Пендлтон не навязывает нам свои интерпретации, не просит найти во всем этом смысл. Он лишь дает нам возможность проникнуться его видениями, образами, погрузиться в поток сюрреалистических картин. иллюзорность бытия, в мир собственных ассоциаций. Эта работа Мозеса Пендлтона — одно из самых изобретательных и интереснейших представлений, которое мне когда-либо довелось видеть, в нем есть моменты глубокого душевного волнения.

Александр ФИРЕР
Фото Джона Кэйна

